

ДМИТРИЙ СВЕТЛОВ

НОРМАНН.
ЧЁРНЫЙ
КНЯЗЬ

Дмитрий Николаевич Светлов

Норманн. Чёрный князь

Серия «Норманн», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6317459

Норманн. Черный князь: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва;

2013

ISBN 978-5-9922-1590-8

Аннотация

Много врагов у русичей – потомков древних славов. Литва и Персия, Ганзейский союз и Великая Степь грозят жизни Древней Руси. Вечную битву за Русскую землю ведет попаданец из будущего, князь Карельских земель Норманн.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дмитрий Светлов

Норманн. Черный князь

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Новые горизонты

Предложенный график выздоровления серьезно озадачил Норманна. Стрела насквозь пробила грудь, а Максим легкомысленно предлагал через неделю заняться гимнастикой! С тяжелым ранением надо лежать не менее месяца, затем с полгода походить в выздоравливающих. Только после этого можно приступать к легким упражнениям, никак не раньше. Нет, тут явно крылся подвох, вероятнее всего, готовили «плацдарм для последующих осложнений». У него не было причин безоговорочно доверять Максиму и его товарищам.

Мало того что именно по их вине Норманн оказался в негостеприимном четырнадцатом веке, так и встретили его, мягко говоря, недружелюбно. Конфликт с «хранителями портала» быстро перерос в вооруженное противостояние, в результате которого попаданцы ушли на противоположный берег Ладожского озера. Ну а далее череда событий повела Норманна по неведомым дорогам непонятной жизни. Вместо домика, где по планам предполагалось переждать время до следующего открытия портала, построили замок, а рядом вырос город. Скромное желание собрать отряд для противодействия различным разбойничьим шайкам закончилось созданием настоящего войска. Торговый поход в Персию пре-

вратился в набег на степняков, а стремление постоять за Русь-матушку переросло в настоящую войну с соседями. Литовского князя Гедимина можно было понять: он подослал убийц, стремясь отомстить за разорение своих земель. А чего добивались хранители портала? Они явно поставили перед собой какую-то неведомую цель.

– Когда я смогу заняться подготовкой похода на Норчепинг? – скрывая недоверие, спросил Норманн.

– Хоть завтра, – безразлично ответил Максим, – если хочется подраться самому, то потерпи с месяцок.

– Какие могут быть осложнения? Ну, там всякие внутренние кровотечения, воспаления или еще что-то?

– Никаких, и вообще, нечего тут валяться, вставай!

– Как – вставай? – растерялся Норманн. – Человек только из-под ножа, и сразу вставай!

– Не было никакого ножа! Мы расширили рану, вытащили стрелу, сделали дезинфекцию, затем стянули мышцы.

– А мои внутренности? Ты их не оперировал?

– Тебе очень хочется остаться с одним легким? – заинтересованно спросил Максим.

– У меня все так скверно? – Настроение Норманна стремительно понизилось до отметки «очень плохое».

– Что ты крутишь? Сказано же ясно, у тебя все нормально, через неделю сможешь прыгать, только не высоко.

– Человека насквозь проткнули палкой, а ты это называешь – нормально!

– Сам виноват! Нечего было по лесу разгуливать, словно по городскому парку! Стрела прошла в сантиметре от сердца!

Побледнев и закусив губу, Норманн прислушался к биению собственного сердца, затем нервно спросил:

– Ты мне кардиограмму сделаешь?

– Вставай и пошли в процедурный кабинет! Кардиограмму ему! Я кузнечного дела не знаю – и не лезу с дурацкими советами, ты медицины не знаешь – так будь добр выполнять мои указания.

– Я к открытию портала буду здоров или нет? – решился Норманн задать главный вопрос.

– По большому счету ты сможешь бегать через две недели. Только не напрягайся, легкое полностью восстановится месяца через три.

Норманн осторожно сполз с койки, с минуту постоял, оценивая свои ощущения, затем коротенькими шажками засеменил за Максимом. Все происходило как-то неправильно: час назад он умирал со стрелой в груди, а сейчас ему говорили, что все нормально, только в футбол нельзя играть. Вот и процедурная, он чуть ли не бегом бросился к стулу и с явным облегчением сел.

– Голова закружилась? – встревоженно спросил Максим. – Переливание крови я сделать не смогу, да и потеря у тебя незначительная.

– Да нет, никаких головокружений нет, я себя как-то

неправильно чувствую.

– Сиди спокойно, я сейчас сниму бинт, и ты посмотришь на рану.

– Зачем! Не трогай мою рану! – Норманн протестующе схватился за грудь. – Она совсем свежая!

Максим, не слушая возражений, быстренько снял наложенную поперек груди повязку и протянул зеркало:

– Полюбуйся на себя.

Норманн ожидал увидеть у себя на груди все что угодно, только не крошечную зеленовато-желтую лепешку.

– Что это? Я думал, ты мне грудь вместе с ребрами вскрыл.

– Дурное дело нехитрое, – улыбнулся Максим, – только в нем нет смысла. Я тебе сразу объяснил: мы расширили рану и осторожно извлекли инородное тело под названием стрела.

– Лепешку зачем приклеили? – Норманн осторожно потрогал пальцем непонятную субстанцию.

– Рану посыпали порошком корня аир, затем заклеили сосновой смолой с толченой крапивой.

– У тебя кончились нормальные лекарства, да? Или для меня жалко?

– Антибиотики тебе вкололи и продолжим колоть еще неделю, – пояснил Максим. – К вытяжкам из лечебных трав советую относиться с доверием, в большинстве случаев они намного действеннее продукции нефтехимического синтеза.

Норманн попытался возразить, но Максим бесцеремонно

воткнул ему в рот трубку ингалятора и приказал дышать спокойно. Немного понаблюдав за игрой пузырьков нехитрого устройства, более похожего на кальян, приступил к лекции на тему: «Как надо правильно выздоравливать».

Норманн недолго любовался веселыми догонялками пузырьков в желтоватой жидкости, затем его заинтересовали заполняющие колбу струйки пара. Постепенно мысли сползли на воспоминания о минувшем инциденте с засадой литвинов. Его, несомненно, долго выслеживали и могли убить с двухсотпроцентной вероятностью. Спасибо безымянному барбосу, который почуял угрозу и бросился на врага с отвагой и самопожертвованием – он спас ему жизнь.

– Достаточно, вставай и топай в люльку! – приказал Максим. – Утром осмотр с уколом, и перебирайся к себе.

– Сколько у Гедимины сыновей? – спросил Норманн.

– Задумал отомстить страшной мстью? Пустая затея, сейчас к смерти детей относятся без стенаний и надрыва.

– Даже если теряют всех наследников?

– В Литве лествичное право, у Гедимины более дюжины жен и одиннадцать сыновей. Детишки и без твоего вмешательства друг дружку перебьют.

– Я должен отомстить врагу, который пытался меня убить!

– Отомсти, – спокойно ответил Максим, – а сейчас сиди смирно, я наложу защитную повязку.

– Какой у литовцев самый важный бог?

– Без понятия, если ты имеешь в виду Гедими́на и его сыновей, то все они крещеные.

– Ты знаешь святого по имени Гедимин? – ехидно спросил Норманн.

– Литовский князь с сыновьями бесчисленное количество раз переходили из православия в католичество и обратно, а каждое крещение подразумевает новое имя. Историки для удобства вместо имен оставили нам клички.

– Что же придумать? Где у Гедими́на родовое имение?

– Он из рода Олышанских, родовое имение в городке Ошмяны, – сдерживая улыбку, ответил Максим.

– Не вижу в этом ничего смешного.

– Гедимин князь новой руки, активно расширяет свои земли и строит там укрепленные замки.

– Что значит «князь новой руки»? – переспросил Норманн.

– За ним нет известного и знатного рода, он сам себя создает, как и ты сейчас поступаешь.

– Я не травлю соседей, не обманываю церковь, не беру у Тевтонского ордена денег под лживые обещания! – возмутился Норманн.

– Каждый поступает как умеет, – развел руками Максим. – Ты грабишь всех подряд.

– Я? Всех подряд? Между прочим, я нападаю только на врагов Руси!

– Ну да, только бедолаги до сих пор не знают, что они вра-

ги твоей родины.

– Кончай дискуссию, замешанную на идеологии вредительского пацифизма. Ты можешь насильно вправить мозги?

– Не соизволит ли ваша светлость пояснить свой вопрос?

– Не паясничай, меня интересует возможности твоего гипнотранса.

– Желаешь отловить Гедимина и переделать его в своего лучшего друга или, может быть, раба? Увы, нереально, да и противозаконно.

– Убивать можно, а корректировать сознание нельзя? Или ваша демократия передемократизировалась?

– Основной постулат демократии базируется на неприкосновенности личности человека, – наизидательно ответил Максим.

– Другими словами, обманывать можно, а заставлять поступать честно нельзя? – съехидничал Норманн.

– Отрабатываешь на мне уроки логики и риторики? В принципе ты можешь убить Гедимина и вырезать его сыновей.

– С чего вдруг столь щедрое разрешение?

– Его экспансия закончена, вскоре он погибнет, а наследники достаточно быстро поубивают друг дружку или сбегут в Москву.

– Хочешь сказать, что Гедимин русский? – удивился Норманн.

– Сейчас нет такого понятия, от Оки до Балтийского моря

простираются земли славов.

– Вообще-то это Русь, – не согласился Норманн.

– Персидские торговцы оставили много путевых заметок, так вот, с восьмого века от Каспия до Оки простиралась территория под названием Артания, а дальше на запад – Славия.

– Можешь сослаться на письменные источники?

– Легко, тебе распечатать копии с дневников ибн Фадлана или Ал-Джанхани?

– Заодно обучишь персидскому языку. Кстати, в заметках названы города?

– Ты знаешь, эта часть почти полностью утеряна, остались описания двух городов, Ладоги и Озерска.

– Давай вернемся к главному – ко мне подослали убийц! Я обязан достойно ответить! – серьезно сказал Норманн.

– Понимаю, – вздохнул Максим. – Ошмяны рядом с Минском, который сейчас называется Менск.

– Кого из сыновей можно отловить и «перевоспитать»?

– Самый младший и любимый – некий Ольгерд. Он трижды менял веру, вместе с крещением и перекрещением менялись имена. Сейчас обитает в приграничной крепостице.

– Можно ли поточнее? – Норманн провел ладонью по новой повязке и начал одеваться.

– Спроси у своих родственников. По историческим сведениям, Ольгерд женился на дочери витебского князя и получил удел рядом с Полоцким княжеством. После смерти тестя зятек силой захватил Витебск, убил прямых наследников, а

жену отправил в монастырь.

Для четырнадцатого века подобный поворот событий был в порядке вещей. От Гибралтара до Балтийского моря правители разного уровня убивали своих соседей, друзей и родственников. Через пару десятков лет в Дании установится реальная королевская власть, а вместе с ней по Скандинавии покатится беспредел братоубийства.

Утром, прежде чем встать с кровати, Норманн долго прислушивался к своим внутренним ощущениям. Как ни странно, в груди не было никакой боли, если не считать давешнего неприятного чувства, порожденного посторонним вмешательством.

– Доброго утра, Андрей Федорович! – Монах, выполняющий роль сиделки, вкатил в палату столик с тазиком и ковшиком теплой воды.

– Завтрак здесь или спустимся вниз? – поинтересовался Норманн.

– Сейчас принесу топленого молочка с аквитанским сыром, а дальше – как лекарь скажет. – Монах аккуратно расправил уголки полотенца и быстренько вышел из палаты.

В процедурном кабинете князя поджидала толпа монахов-студioзов, которые сначала по очереди осмотрели заштопанную рану, затем с помощью слуховой трубочки долго вслушивались в работу поврежденного легкого. После прихода Максима начался консилиум, на котором вынесли еди-

нодушный вердикт: «Князь Андрей Федорович в постельном режиме не нуждается и может топтать на все четыре стороны». Понятное дело, сказали не столь грубо, но примерно так. Причем никто не удосужился спросить сам объект о его самочувствии. Норманн недовольно посопел, покосился на горе-врачей и вернулся в палату, где его уже поджидали слуги с одеждой. Что же, коли так, нельзя показывать свою слабость, иначе пойдут всякие слухи. Он сделал несколько шагов по коридору в сторону своих комнат, но вовремя спохватился и позвал слугу.

– Хорст, сбегай к постельничему, принеси золота, я пошел в церковь.

Нельзя забывать о правилах этого мира! В двадцать первом веке удачу или поражение принято отмечать водкой, а в четырнадцатом веке по любому поводу шли в церковь. Обойди он храм стороной, обязательно пойдет нехороший шепоток, мол, нечистый помог избежать смерти. Виданное ли дело – один с малым плотницким топором побил полдюжины воинов, вооруженных луками и мечами! Норманн вышел на площадь и прогулочным шагом направился к храму Покрова Богородицы. Надо отдать должное мастерству Антонию, он не только сумел построить за два года великолепный собор, но и создал настоящий архитектурный ансамбль. Княжеский терем с палатами и казармами дополняли основную доминанту крепости и подчеркивали изящные, стремящиеся к небу линии.

– Здоровья тебе, Андрей Федорович! – Из сторожки дежурного взвода примчался сержант лучников из полка Антанаса Тутника. – Сходи к воротам, ободри людей ласковым словом да бодрым видом.

– Много собралось? – с тревогой в голосе спросил Норманн. Ему совсем не хотелось встречаться с толпой.

– Примерно с полсотни, после работы еще подойдут. Вчера до тысячи стояло, требовали выдать на расправу литвинов.

От самосуда, как и от стихийных сборищ, больше вреда, чем пользы. Толпа легко распаляется, после чего возможны самые непредсказуемые последствия. В данной конкретной ситуации достаточно обвинить в недосмотре княжескую сотню, и вмиг побьют ни в чем не повинных парней.

– Здравствуйте, люди добрые! – Выйдя за ворота, Норманн громко приветствовал собравшуюся толпу. – Спасибо за заботу, вражья стрела пробила мне грудь, но большого вреда не нанесла.

Народ радостно загалдел, в ответ слышались разноголосые пожелания здоровья. Несколько женщин решительно пробились вперед со своими лекарственными отварами, мазями и настойками. Норманн не стал отказываться. Принимая горшочки чудодейственных мазей на основе медвежьего жира или из тюленьей печени, он кланялся и благодарил, обещая непременно их использовать для скорейшего выздоровления. Настырная бабулька принесла корзинку сушеных

трав и, вцепившись в руку, долго объясняла, что и как заваривать или настаивать, какое средство пить, а что прикладывать к ране. Честно говоря, бабулины пояснения в одно ухо влетали, а в другое вылетали, но он терпеливо выслушал монолог, затем расцеловал травницу. Подобное действие подняло у народа градус настроения, одна из женщин громко выкрикнула:

– Князь! Ты бы и меня расцеловал да к груди прижал! Глядишь, и рана скорее заживет!

– Разве я против! – поддержал шутку Норманн. – Иди сюда, обнимемся да расцелуемся!

Толпа рассмеялась и быстро вытолкнула к князю мгновенно покрасневшую женщину. Нарочито театральные объятия завершились неожиданно крепким и горячим поцелуем.

– Ай да хорош у нас князь! – воскликнула женщина. – Жаль, что сосватан! – и юркнула в толпу.

Еще раз поблагодарив собравшийся народ, Норманн развернулся к стоящему у ворот столику, куда складывал горшочки и туески с мазями и снадобьями. Подарки надо было прилюдно собрать и отнести во дворец, чтобы дарители не обиделись. Все достанется Максиму, он умный, пусть и разбирается, как в дальнейшем применять принесенные средства народного лечения. Вот тут-то Норманн и увидел причину, по которой у ворот собрались люди. На столике выставили трофеи, найденные после вчерашней стычки, с окровавленной стрелой в качестве главного экспоната. Сно-

ва проделки профессора – кроме него никто не додумался бы создать подобную экспозицию. Вот сломанные стрелы, которые Норманн по наитию сбил в полете, вот еще одна со смятым наконечником, она ударилась в топор. Чуть в сторонке развешаны кольчуги, три со следами ударов топора и четвертая с вырванным из бока куском, рядом на земле – трофейные луки и мечи.

Сержант дежурного взвода сложил лекарства в большую корзину и побежал во дворец, а Норманн направился в церковь, где перед входом его дожидался слуга с горочкой золотых монет на серебряном подносе. Храм Покрова Богородицы еще не был расписан до конца, иконописцы не закончили небо с ангелами на внутренней стороне купола. Зато иконостас мог потрясти любого самого взыскательного критика. Умельцы умудрились сделать его из фарфора, собрав детали на массивной чугунной раме. Полюбовавшись на великолепие красок, Норманн встал на колени, но в голове у него вместо молитв витал вопрос о причине нового пиар-хода со стороны Максима. Тема возвращения домой была решена однозначно, осталось дожидаться открытия портала и попрощаться. И все же – в чем здесь подвох, с какой целью выставили доказательства очередной битвы героического князя? Незаметно для себя он простоял на коленях более часа и выплыл из размышлений, только когда онемели ноги.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил поджидающий у вхо-

да в церковь Михаил Симеонович. И тут же пожаловался: – Вчера меня к тебе не пустили.

– Вроде нормально, только в груди неприятно зудит.

– Литвины сознались в злом умысле, указали на Гедими-на, сам сидел в пыточной, злодеи на моих глазах целовали крест.

Норманн безразлично пожал плечами – ему изначально было ясно, откуда торчат уши. Ну а пыточная... в четырнадцатом веке слово «пытать» являлось синонимом сегодняшнего слова «спрашивать».

– Кто приказал разложить у ворот вражьи стрелы с броней и оружием? – На всякий случай он решил выяснить этот вопрос у постельничего.

– Я приказал! А как же иначе? – ответил Михаил Симеонович. – Люди своими глазами все должны увидеть, убедиться в злом умысле подосланных татей.

– Зачем? – не скрывая удивления, спросил Норманн. – Неужели может найтись хоть один сомневающийся?

– Не скажи, Андрей Федорович, не скажи. У каждого человека много завистников, брат на брата с ножом идет. Вон у Гедимины, из семи сыновей осталось трое, Наримант да Ольгерд с Любартом.

– Пойманных литвинов куда определили? В крепостных башнях еще нет темницы, а подвал в пыточной совсем мал.

– Еще чего удумал! – возмутился постельничий. – Зачем врагов задарма кормить? Обоих у позорного столба на цепь

посадили.

– Где этот столб? Что-то я его никогда не видел, – с интересом спросил князь.

– По белу свету надо меньше болтаться! – недовольно проворчал Михаил Симеонович. – Даже рынка своего не видел.

– Почему на цепи только двое, поймали-то троих?

– Тот, с порванным боком, от страха далеко убежал да кровью изошел. Сюда полуживого привезли, только и успел, что покаяться да крест поцеловать.

– Разбойников очень быстро поймали. Ты узнай имена отличившихся стражников, – попросил Норманн.

– Наградить хочешь? – усмехнулся Михаил Симеонович. – Свору свою дворовую сладкими косточками одари. Они след взяли и через полчаса татей обложили.

– Что-то я не припомню стражников с собаками.

– Кто же сторожевых псов держит на поводу? Они рыщут сами по себе, возникнет нужда, дозорный позовет свистом.

– Я Гедимину ответить должен, – решительно заговорил Норманн, – ты через купцов разузнай о его сыновьях.

– О них любому ведомо, – поглаживая бороду, ответил постельничий, – Наримант в Смоленске со свояком бражничает, Ольгерд в крепостице Заборье, что на реке Оболь в Витебском княжестве, Любарт с войском на Волыни.

– Ты про мою задумку никому не рассказывай, я хочу потихому свести счеты.

– И не думай! Иначе в трусости обвинят! Я нарочного от-

правил, в Новгороде объявит о злодействе Гедимины.

— Какая польза с той вести? Пошумят денек, а наутро забудут, — отмахнулся Норманн.

— Не скажи, князь, на торгу литовских купцов побьют да пограбят, прочим литвинам на ворота укажут! — пояснил Михаил Симеонович. — Зря Гедимин тебя обидел, ох, зря!

— Зря или не зря, а мне до него не дотянуться!

— Не спеши, князь, не спеши, у нас есть кому твою думу додумать.

Вообще-то Норманн был не прочь воспользоваться подкачкой из Новгорода. Дело не в огромных возможностях семейства Вянгинских, членом которого он теперь являлся. Купечество прекрасно разбиралось во всех тонкостях современной жизни и обязательно нашло бы возможность где-то и как-то куснуть Гедимины. Причем упор постарались бы сделать на выгоду. Примером тому наметившийся в будущем «народный гнев» новгородцев: они и литовских купцов ограбят, и горожане получат удовольствие вместе с прибылью. Удаление литовских купцов с новгородского рынка очень больно аукнется всей Литве. Еще бы подписать под это дело Псков, тогда Гедимину свернут шею его собственные вассалы.

Так, разговаривая, Норманн с постельничим Михаилом Симеоновичем Вянгинским прошли в рабочий кабинет. Всякие разные конторские книги так и остались лежать

нетронутыми. А время поджимало, август на носу, флот уже готовился к походу в Норчепинг. И постельничий явно хотел сказать что-то важное, да не решался. Норманну надоело затянувшееся молчание, и он спросил из простого любопытства:

– Я много раз слышал о варягах, а знать не знаю, что это за народ.

По всей видимости, Михаил Симеонович был погружен в собственные мысли, поэтому не сразу понял суть сказанных слов.

– Варяги? – повторил он. – Так это не народ, а наши корабели, они раньше селились в Ладоге, и князь у них был свой.

Норманн растерялся. Нет, он конечно же понимал, что скандинавы никак не могли быть варягами. Среди пришедших в Европу вандалов были так называемые саксы, они сначала устремились на юг и добрались до Северной Африки. Вторая волна обустроилась во Франции и Англии, самым последним, пришедшим в десятом веке, досталась Дания, после чего началось освоение Скандинавского полуострова. Постельничий безусловно прав, никто не присвоил бы знаменитому русскому крейсеру разбойничью кличку.

– Сейчас древнее слово «варяг» можно перевести как «мореход»? – на всякий случай уточнил Норманн.

– Ну да, – с некоторым недоумением ответил Михаил Симеонович, – мы все из одного народа, который называется славя. В стародавние времена к имени князя обязательно до-

бавлялось слово «слав».

– Святослав, Ярослав, – блеснул познаниями Андрей.

– Не только, встречались и Всеславы, Брючеславы, Мстиславы, Изаславы. – Постельничий дополнил перечень имен.

– А какой был у наших предков боевой клич?

– Он не изменился, воины и сейчас идут на врага, выкрикивая: «Слава!» До сих пор, обращаясь к большому вече, посадский боярин говорит: «Славный народ новгородский!»

В кабинете снова повисло молчание, Норманн проверил карандаши, бесцельно полистал отчет дьяка монетного двора и сказал вслух, как бы укоряя самого себя:

– Все забываю у наставников спросить, какова продолжительность обучения лекарскому мастерству.

– Нечего спрашивать, срок в шесть лет еще издревле в «Русской правде» указан. С тех пор неизменно переписывается во все «Кормчие книги».

Норманн оторопело посмотрел на Михаила Симеоновича, беззвучно открыл рот, словно хотел что-то сказать, затем закрыл. А почему он решил, что на Руси жили без врачей? Мелькнувшая мысль позволила сформулировать вопрос:

– В Новгороде кто учит лекарей?

– Не знаю, – постельничий пожал плечами, – врачеванию обучают в Антониевом монастыре, а кто их наставляет, мне неизвестно.

– Там же и больных принимают? – продолжил допытываться Норманн.

– В каждом монастыре есть лекари, можно городского врача позвать, но только за плату, скотину лечат в Зверином монастыре.

Пояснения Михаила Симеоновича еще больше озадачили Норманна. В Гостином дворе можно купить различные лечебные средства, начиная от кувшинчиков с бишефитом и до экзотических лекарств из Китая или Индии, это он сам видел. Но действующая в Новгороде система медицинской помощи – совсем другой уровень здравоохранения! Причем доступно как платное, так и бесплатное лечение! С «Кормчими книгами» все понятно, это свод законов, где указаны не только права и обязанности, но и суммы взимаемых налогов, в том числе за врачебную практику.

– Максим велел неделю сидеть дома. – Норманн продолжил пустой разговор, дабы снова не окунуться в тягостное молчание.

– Вот и ладненько, – оживился постельничий, – китайское посольство тебя ждет не дождется, и других дел скопился целый ворох.

– Надо бы Рунов кол закончить да Федору Даниловичу отослать.

Тема подготовки главного атрибута новой ветви рода Вянгинских несколько оживила постельничего. После того как слуга принес злосчастную палку, из-за которой Норманн чуть было не лишился жизни, Михаил Симеонович сразу одобрил заготовку. Оставалось сделать наверху и можно

было отсылать будущую родовую святыню в Новгород, где тайные знатоки завершили бы преобразование обычного посоха в Рунов кол Макоши.

Стараясь как-то расшевелить Михаила Симеоновича, Норманн нарисовал несколько эскизов медвежьей головы, которая должна была служить навершием. Затем перешли к обсуждению вариантов оберегов, которые назывались «Руновыми жестьками Мары». Первые рисунки постельничий категорически забраковал, а когда убедился, что Норманн не знает основной концепции, показал свой оберег. Забавный мишка на задних лапах внешне выглядел дорогой безделицей из инкрустированной золотом моржовой кости. Характерной чертой оберега являлось отсутствие морды, как ни крути его в руках, а перед глазами всегда будет затылок медведя. В голове родилась отличная идея сделать из лунного камня летящую к небу фею. Эффект спины создать нетрудно, у фигурки три руки и три ноги, а на головке венок.

– У купечества Водской пятины к тебе, князь Андрей, нижайшая просьба, – Михаил Симеонович наконец решился заговорить о важном, – купцы в Африку просятся.

На Руси издревле Земля делилась на пять сторон света. Кроме привычных севера с югом и восхода с закатом отдельно выделялась стихия. Причем стихия сама по себе, без привязки к воде или воздуху. Водская пятинна во главе с посадским боярином Афанасием Александровичем Глуховым

держала торговлю с карелами вплоть до Або. Кроме того, купцы и промышленники контролировали охоту на морского зверя и рыбную ловлю по всему Мурману с островами Медвежий и Грумант¹.

– Обращение от всей пятины или от нескольких купцов? – уточнил Норманн.

– Афанасий Александрович сомневается в больших прибылях и советует подождать результатов первого похода.

– Если честно, я на его стороне, вот так с лета привезти много золота нам не удастся.

– Теперь послушай меня, – почти шепотом заговорил постельничий, – главное в торговом деле – быть первым.

– Так-то оно так, – согласился князь, – да не каждый может себе позволить потратить деньги сегодня, а куш получить послезавтра.

– Понимаешь! – улыбнулся Михаил Симеонович. – С тобой желают идти состоятельные люди и свою долю на обустройство нового места внести согласны.

– Они понимают, что с первого каравана прибыль получится совсем небольшой?

– Спрашиваешь! В «Персидском дворе» слоновая кость годами лежит, и дерево чудное расходится разве что на иконостасы.

– Ну, красное дерево мы сразу пустим в оборот! – решительно сказал Норманн. – Мебельщики у нас есть, быстро

¹ Шпицберген. – Здесь и далее примеч. авт.

организуем мебельную факторию.

– Заманчивое предложение, – одобрил постельничий, – кресла с пружинами да столы сейчас заказывают на полгода вперед.

Идея раззадорила Андрея: достаточно изготовить фигурные фрезы с шаблонами, и производство мебели можно ставить на поток. Он взялся было за эскизы резных панелей, да вовремя спохватился – на носу открытие портала и возвращение домой.

– Купцы Водской пятины подготовили мореходные корабли? – Норманн вспомнил о главном препятствии океанского плавания. – На ганзейском коге по открытому морю не пройти.

– В том-то и беда! – тяжело вздохнул Михаил Симеонович. – Вся надежда только на тебя.

– На чем они собираются плыть по морям-океанам? Конч не даст чужим купцам ни вершка свободного места, и требовать нельзя, вепсы обидятся.

– Знаю, говорил уже с ним. – Постельничий снова тяжело вздохнул.

– Ты-то здесь с какого боку? – удивился Норманн. – Или магарыч обещали за хлопоты?

– Помилуй, князь! – Михаил Симеонович неожиданно встал. – Мы испокон веков приписаны к Водской пятине!

– Разве? Федор Данилович говорил про Обонежскую пятину.

– Батюшка твой как глава рода держит земли наших предков, остальные родственники разведены по иным концам.

– Извини, – покаялся Норманн, – все недосуг посидеть и по-человечески поговорить с Федором Даниловичем.

– Да ладно уж, все понимают, насколько тебе трудно, не каждому по силам поднять княжение с пустой земли.

– Кто из посадников управляет Пермскими землями?

Михаил Симеонович немного помялся, затем ответил:

– То уже стародавние волостные края Новгорода, ими управляют выборные посадники. Сейчас Пермь-Вычегодская волость под боярином Никитой Брызгой.

– Меня крепости и города интересуют. Найди для меня знающего человека, – попросил Норманн.

– На Чердынской дороге стоит крепость Чердынь, боярин Анфил Никитин у своей солеварни поставил Анфиловский городок, а Калинковы заложили другой на реке Боровая. Сейчас общество строит Андреевский городок, – улыбнулся постельничий.

– Каменный уголь для меня ломать? – догадался Норманн.

– Только между нами, – Михаил Симеонович заговорщицки подмигнул, – вече согласно передать тебе Пермь-Вычегодскую волость.

– Для Новгорода не велика потеря, а мне головная боль.

– С чего ты так решил? – недоуменно спросил постельничий.

– Купцы скупают мех, а мне содержать дружину да еще

охранять эту Чердынскую дорогу, что проходит через Урал в Югорскую волость! – раздраженно ответил Норманн.

Михаил Симеонович с минуту озадаченно смотрел на правителя Карельских земель, затем принялся объяснять суть предстоящей сделки. Начал с цифр собираемой с аборигенов дани, которая оказалась более чем внушительной. С Пермь-Вычегодской волости ежегодно привозили по семь тысяч кунных, песцовых и норковых шкурок. Владельцы солеварен расплачивались серебром непосредственно в Новгороде. Деньги очень большие, вече никогда не отдало бы богатый край в чужие руки, да и купцы нашли подсказанную Норманном соль с медью. Главной головной болью обещали стать прииски. На золото слетятся не только башкиры с волжскими булгарами, впереди всех заявится московский князь. Достаточно перекрыть Москву-реку с Клязьмой, и новгородцам ничего не останется, как «добровольно» отдать богатые земли.

Решение малого вече оказалось более чем прагматичным. Норманн изначально прилюдно заявил, что не собирается принимать участия ни в золотом, ни в медном бизнесе. Отдавая волость под руку карельского князя, промышленники оставляли за собой прииски с рудниками. А вот московский князь загреб бы все под себя, в этом никто не сомневался. Был в предстоящей сделке еще один скрытый подвох. Новгородские умники не могли не рассчитывать на расши-

рение границ «родственного княжества» от Волги в сторону Камы. Традиционный путь через реки Вычегда и Сухона хорош для торговли с местными охотниками, а большой поток меди с солью удобнее перевозить по глубоководным рекам и обжитым краям. И если сам князь до этого не додумается, его обязательно подтолкнут к подобной мысли. Если честно, Норманна не интересовал политико-экономический пасьянс новгородских бояр, он ждал открытия портала. Тем не менее нельзя было не помочь в скорейшем освоении богатейших мест. Петербургский Горный институт создали по ходатайству башкирского рудопромышленника Исмаила Тасимова, и содержался он на его деньги. Почему бы сейчас не сделать первого шага?

– Вот что, – как бы раздумывая, заговорил Норманн, – я поговорю с Максимом, он знает рудное дело и возьмется за обучение отроков.

Михаил Симеонович несколько не удивился столь широким познаниям Максима, оно и верно, сейчас на дворе стояли времена людей универсально образованных, среди них был и Леонардо да Винчи.

– В Новгороде хватает своих рудознатцев, но за заботу спасибо, обязательно отпишу малому вече, – степенно ответил постельничий.

– Касаясь похода в африканские земли, – продолжил Норманн, – купцы могут взять в аренду трофейные самбуки.

– Спасибо тебе, Андрей Федорович! – Михаил Симеоно-

вич низко поклонился. – От всего купечества спасибо!

– Корабелов не дам, сам знаешь, их не хватает.

В Новгороде давно уже отработали такие финансовые вопросы, как кредитование, аренда или передача товаров на реализацию. Однако, читая договор аренды, он увидел параграф страхового возмещения убытков от порчи или гибели и сначала не поверил своим глазам.

– С каких это пор в Новгороде принято страхование имущества? – спросил князь с искренним изумлением.

– Не знаю, – пожал плечами постельничий, – правила возмещения ущерба прописаны еще в «Русской правде».

Норманн невольно потер виски – невероятно, но до появления знаменитого лондонского Ллойда без малого четыреста лет! А тут в ответ безразличное: «Не знаю!» Вот тебе и Русь с дикими нравами!

– Кто в Новгороде занимается страхованием? – заинтересованно спросил князь.

– Можешь обратиться в Торговую палату или Товарищество взаимного страхования. Цены везде одинаковы, за ког или морскую ладью вносишь три гривны серебром.

Вот так-то, наши предки узаконили и упорядочили имущественные и товарно-денежные взаимоотношения в предельном для понимания современного человека одиннадцатом веке. Норманн прикрыл глаза, его впечатления о новгородской и европейской жизни никак не состыковывались даже со школьной программой. И татаро-монгольское иго по

жизни оказалось обычным наймом дешевых вооруженных отрядов. И борьба «за соединение земель русских» выглядела незатейливой агрессией с желанием расширить собственные владения. В то же время произошло очень много непонятных событий. Взять, к примеру, литовцев, которые безбоязненно воевали со степняками и одновременно насакивали на тевтонцев. В чем причина таких действий? Это была попытка Гедимины прорваться к Балтийскому морю? Зачем? В четырнадцатом веке порты располагались даже не в устьях рек, а в сотнях километров от моря. Взять Новгород, Париж, Любек, Гент или Гамбург – от этих городов до моря несколько дней пути. Экспансия Литвы, а затем объединенного польско-литовского государства на юг вполне понятна. Кто не желал взять под контроль Азов? Богатый торгово-перевалочный центр мог озолотить любое государство, не зря Петр I начал войну именно с Азова.

Вспомнились прошлогодний поход по Волге и отправленные в Китай монахи-доминиканцы. Интересно, год назад в Медвежьем замке появился беглый китаец, а Норманн ни разу не поинтересовался его судьбой. Вроде жив, иначе доложили бы. Тут еще китайская делегация дожидалась аудиенции, сам пригласил наведаться, а теперь и не вспоминал о гостях. Он прервал затянувшееся молчание и обратился к постельничему:

– Михаил Симеонович, что тебе сказали китайские гости?

Зачем они сюда приехали?

– Говорили долго, да ничего конкретного не сказали, – недовольно ответил тот, – князя ждут, а нам улыбаются да низко кланяются.

– В разговоре Максим был переводчиком? – поинтересовался Норманн.

– Да нет, грека с собой привезли, быстро балаболит, а самого и не видно, словно в другой комнате спрятался.

– Сам-то что думаешь? Что им здесь надо?

– Тут и думать нечего, они каждый второй год в Новгород приезжают, просят Китайский торг открыть.

– Почему нет? – легкомысленно прокомментировал Норманн. – Больше торговцев, больше денег в городскую казну.

– Андрей Федорович! Окстись! И думать не думай! – встревоженно воскликнул постельничий. – На этом большие деньги потеряешь!

– Какие еще деньги?

– Да свои кровные! Сам прекрасно знаешь разницу цен между Сарай-Берке и Новгородом!

– Что-то я не уловлю твою мысль, – растерянно ответил Норманн.

– Сейчас мы в низовье покупаем товары, а сами или здесь продаем, или дальше везем. Как запустим китайцев, так нам и крышка, они сами привезут свои шелка с чаем и фарфором, а мы слезами утремся.

– Уверен? Вон персы здесь торгуют и другим не мешают, –

возразил Норманн.

– Не сравнивай! – От волнения Михаил Симеонович даже прикрикнул. – Те каждый сам по себе, привезут товар, продадут и возвращаются обратно.

– Все равно не понимаю и не вижу разницы между китайскими и персидскими купцами.

– Да сказано тебе, персы сами по себе, а китайцы объединены в торговые корпорации.

– Ну и что? Новгород не запрещает торговать купцам Ганзы или Готланда, почему китайцы вдруг оказались под запретом? – продолжал допытываться Норманн.

– Нашел с кем сравнивать! – воскликнул постельничий. – Готланд с Ганзой к нам везут серебро с золотом!

– Понял, – усмехнулся Норманн. – Новгородское купечество опасается конкуренции со стороны китайцев.

– Да пойми ты, никакой конкуренции не будет! И товаров китайских у наших купцов не будет! – не на шутку разволновался Михаил Симеонович.

– Ой ли? Что-то не верится, китайцы не способны на столь организованную торговлю.

– Лучше московских купцов спроси! – огрызнулся постельничий. – Даниил Александрович, сын Александра Невского и отец Ивана Калиты, запустил китайцев на свой торг.

– И в чем беда? – ехидно поинтересовался князь. – Москвичам в Сарай-Берке ничего не продают или индийские шелка хуже?

– Ничего ты, Андрей Федорович, в торговле не понимаешь, – тяжело вздохнул постельничий и перекрестился. – Сам-то небось норовишь товар купить у поставщика, а не у перекупщика.

– Московские купцы могли бы и цену скинуть, они у себя дома, расходы на торг ниже.

– Китайцы и без этого цены держат высокие. На московских пальцем указывают, шепотком винят в продаже подложного товара.

– Какой там может быть подлог? – удивился Норманн. – Шелк – он и есть шелк.

– Не скажи, Андрей Федорович, не скажи, – снова тяжело вздохнул Михаил Симеонович. – Не каждый шелк от рамни отличит.

– Что еще за рамни? Никогда не слышал о подобной ткани.

– Привозят из Индии или Китая, а продают вдесятеро дешевле шелка. Делают из травы, похожей на коноплю, только волокна очень тонкие и мягкие.

– Вот гады! – возмутился Норманн. – Обманом занимаются, на людей напраслину наводят! Почему московский князь своих не защищает?

– Иван Калита заботится о сборе подати! Кто в казну деньги положил, свой или китайский купец, ему без разницы, – зло ответил постельничий.

Вероятнее всего, московский князь был уверен, что заси-

лье пришлых купцов приносит ему пользу. Не каждый способен понять основы экономики – иностранные торговцы привозили не последнее из того, что имели, а вывозили реальные золото и серебро. Запустив в Зарядье китайских торговцев, Москва начала терять реальные деньги. Сшил платье, поносил и выкинул, а денежки к этому времени убежали в далекие края – приносить дивиденды другому правителю.

Глава 2

Персидское посольство

Правильно говорил Михаил Симеонович, и новгородское вече поступало весьма разумно. Нельзя душить своих купцов: когда богатеют люди, вместе с ними крепнет и расцветает государство. Впрочем, московским торговцам недолго страдать, вскоре начнется поход Тамерлана, он попытается насильно исламизировать кочевые племена. Разгром Золотой Орды в первую очередь ударит по Великому шелковому пути, ибо, лишившись централизованной власти, кочевники займутся рэкетом и начнут беззастенчиво грабить караваны, идущие из Китая. По историческим хроникам, Новгород создал для китайцев обходной торговый путь по рекам Иртыш и Тобол с переходом на Каму по Чердынскому тракту. Вполне приемлемый вариант, не идти же морем через Югорский шар. Затем последовало решение Большого вече от тысяча четыреста семьдесят второго года, по которому создали новый, более короткий Бабиновский тракт. Посадник Артемий Сафронович Бабинов вместе с воеводой Федором Пестрым обязались построить новую дорогу и обеспечить безопасность китайских караванов. Что же, вот и тема для разговора с прибывшей делегацией. Дело в том, что китайцы предпочли избавиться от дружеской новгородской опе-

ки. Кому понравится монополия одного покупателя? Поэтому караваны с шелком самостоятельно отправились вниз по Каме. Как следствие, появился богатый торгово-перевалочный центр под названием Казань. Ну а дальше Иван Грозный взял Казань, разогнал вече и послал Ермака в Тобольск.

– Вот что, Михаил Симеонович, – после длительного раздумья заговорил Норманн, – покажи нашим гостям из Китая склады со стеклом и фарфором.

– Похвастаться желаешь? – понимающе улыбнулся постельничий.

– Да нет, перед разговором надо бы их припугнуть. Посольство должно понять: наша продукция намного лучше.

– Я бы так не сказал, – не согласился Михаил Симеонович, – фарфор лучше, а стеклу еще далеко до твоих китайских запасов.

– То особый уклад из монастыря Шаолинь, – без запинки соврал Норманн, – на равнине не умеют придавать стеклу блеск.

– Может, и тканями похвастаться? – предложил постельничий. – Крашенное в горошек полотно распродано на полгода вперед.

– Покажи, – согласился Норманн, – и цыганское золото как бы нечаянно выстави.

– Можно! – хохотнул постельничий. – Не каждый человек с первого взгляда отличит от настоящего!

– Чем сейчас наши бронники заняты?

– Ружья делают, – постельничий поморщился и добавил: – И новую броню для дружины, она как сажа черна, но крепкая, ничем не пробить.

Норманн вспомнил свой визит в арсенал и потому спросил:

– Я видел легкие блестящие панцири, для чего они сделаны?

– Городскую стражу одеваем! – гордо ответил Михаил Симонович. – И вор, и купец должны видеть княжеского человека.

– В красном плаще с бердышом в руке? – хмыкнул князь.

– А как же! – не заметив иронии, воскликнул постельничий. – И красиво, и удобно! Людям приятно видеть богато одетого стражника!

Какие могут быть возражения против унифицированной одежды для городской стражи? Да никаких! При необходимости яркая одежда действительно поможет быстрее найти, кого звать на помощь. И для воря предупреждение, чтобы не баловали и уходили подобиру-поздорову. Норманн захотел узнать, кто автор идеи единой формы для стражи.

– Сам придумал или подсказал кто? – внешне нейтрально спросил он.

– Чего тут придумывать? – Постельничий удивился подобному вопросу. – В Царьграде стража ходит в плащах лимонного цвета.

– Ты чай с лимоном пил? – поинтересовался Норманн.

– Я люблю чай с мятой или мелиссой, а лимон хорош для мяса или ухи.

Михаил Симеонович стал вспоминать изыски греческой кухни и выдал при этом калейдоскоп традиционных блюд и их рецептов. Некоторое время Норманн слушал молча, но когда началось описание достоинств ксиномизирты – кислото плавленого сыра – с фавой – гороховым пюре, – не выдержал и вступил в спор. В его понимании подобную гадость нормальные люди есть просто не могут, а гречневый суп-пюре – это форменное издевательство над цивилизованными людьми.

Коль скоро лечебный процесс не требовал постельного режима, Норманн засел за макет навершия для Рунова кола Макоши. Казалось бы, вылепить голову медведя проще простого, для этого не надо особых усилий, как и запредельной фантазии. Увы, сначала он долго не мог подобрать правильный размер, чтобы голова не казалась чуждым довеском к палке. Затем начались мучения с приданием голове наклона, приоткрытая пасть и глаза в целом должны были создавать эффект прямого взгляда на зрителя. Наконец после многочисленных переделок получился образ настороженного, готового к схватке зверя. Желание изготовить навершие из цветного хрусталя породило проблему крепления, пришлось делать серебряный соединительный стержень. Идея понравилась, в результате появился еще один стержень в нижней

части. Внешне как бы небольшой клинышек, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это стилизация козлиной головы с длинной бородой.

– Ты куда собрался? – Максим перехватил Норманна на выходе из замка. – Одной стрелы мало? Или решил, что все твои враги мертвы?

– Отстань, я к Тикшу, надо отдать макеты для родового Рунова кола.

– Сержанти! – Максим кликнул стражника у ворот. – Пошли кого-нибудь к ювелиру, князь желает с ним говорить.

– Ну зачем так! – недовольно поморщился Норманн. – Прогулка пойдет мне на пользу.

– А теперь пошли в бронную, вместо прогулки будет тебе примерка нового доспеха.

Некоторое время оба шагали молча, пока князь не вспомнил о том, что так и не разузнал о возможном взаимодействии со степняками.

– Можешь подробнее рассказать о кочующих в степи племенах? – спросил он у Максима.

– В летописях их называют по-разному, но в целом это потомки половцев, они же кыпчаки, более известные как ногайцы.

– По степи бегают не только ногайцы, – не согласился Норманн, – сам говорил, что Тохтамыш объединил два рода, тохте и мишари.

– Я ответил на поставленный вопрос, – фыркнул Мак-

сим, – научись правильно формулировать вопросы.

Князь недовольно на него глянул, но решил не дерзить, поэтому вопрос прозвучал вполне нейтрально:

– Что связывает половцев и монголов? Почему прикаспийские племена приняли в свои стойбища монгольских ханов и подчинились их воле?

– Для диких кочевников определяющим фактором является грубая сила, – ответил Максим.

– Другими словами, в свое время Чингисхан поставил половцев перед выбором: или их уничтожают, или они принимают присланных повелителей? – уточнил Норманн.

– Абсолютно правильно, стоило Тамерлану разгромить Золотую Орду и отрубить голову бекляре-беку, как половцы моментально перебили монгольских ханов.

Норманн пытался вспомнить хоть что-то из истории походов Тамерлана. Вроде великий полководец дошел до Руси и повернул обратно или же поход завершился после карательной экспедиции в Крым? В конце концов, это не важно.

– А как изменился расклад сил после возвращения мусульман в Центральную Азию? – спросил он.

– Поход в Персию закончился провалом. Население не пожелало сменить зороастризм на ислам. После этого и возникли идеи Империи Великих Моголов и похода в Индию, – коротко ответил Максим.

– Ты хотел сказать в Пакистан? – поправил князь.

– Сейчас Индия – это все, что южнее Центральной Азии, –

усмехнулся собеседник.

– История распространения ислама меня интересует меньше всего. Что произошло в междуречье Волги и Дона?

– Если в общих чертах, то половцы разделились на Большую орду с землями от Астрахани до Дербента и Кубанскую орду.

Несколько минут заинтересованный князь обдумывал возможный политический пасьянс. Ситуация сложилась такая. Потревоженные Тамерланом османы ушли на запад, а персы в ответ попытались прорваться к Азову, но застряли на Северном Кавказе. Благоразумные торговцы снова вспомнили про морские корабли и возобновили прямые перевозки из Бандар-Е Анзали в Астрахань. Генуя с Венецией оказались отрезанными от китайских и индийских товаров. Путь по Днепру был открыт исключительно для фантазеров, поскольку протяженность порогов составляет семьдесят пять километров с перепадом уровня воды в сорок метров. Это не караванный маршрут, а тест-драйв для кандидатов в камикадзе. Купечество Южной Европы спонсировало попытки захвата Александрии. Потом, потерпев фиаско, в отчаянии придумало эпоху Великих географических открытий. Таким образом, у них остался последний шанс найти дорогу в Индию – отправиться в плавание через неведомые океаны.

Неожиданно они остановились. Задумавшийся Норманн даже не заметил, как пришел к бронникам. Покосился на

Максима, но тот с неподдельным интересом смотрел куда-то вверх.

– Ворон считаешь? – съехидничал Норманн.

– А? Нет, – не отрывая взгляда, ответил тот. – Часовщики устанавливают циферблат.

– Какой циферблат! Ты в своем уме! На дворе четырнадцатый век, а ты вздумал часы изобретать!

– Господин Великий князь! – Максим, явно ерничая, склонился в низком поклоне. – Часы купили на торгу и сделали увеличенную копию.

– А кто продавать привез? Только не говори о заезжих китайцах. – Норманн с подозрением посмотрел на собеседника.

– Индийские маятниковые часы известны в Новгороде с шестого века. Прототип этих часов, – тут последовал указующий взмах руки на сигнальную башню, – тебе подарила мачеха. Мне осталось только посетовать на маленький размер, и все. Местные умельцы тут же подхватили идею и сейчас устанавливают первые в Европе городские часы.

– Ну скажи мне, на кой хрен вы все это придумываете? – Норманн недовольно покосился на сигнальную башню.

– Как ни смешно, но учет времени поможет горожанам лучше организовать свою жизнь.

Не скрывая недовольства излишним, на его взгляд, вмешательством в современную жизнь, Норманн пнул ногой входную дверь. Затем обернулся к Максиму и позвал:

– Хватит в небо тарашиться, показывай, что там бронники сделали.

– Доспех высшего качества, – начал хвастаться Максим, – трехслойная броня! Пробить практически невозможно, а по весу легче предыдущей модели.

Первое, что сразу бросилось в глаза, – это элегантная форма панциря с рифленным изображением медвежьей морды во всю грудь. На плечах блестели красивые погоны, а струйки чешуек придавали им сходство с эполетами. Поножи, набедренник, сапоги со стальными накладками – все выглядело не только надежно, но и очень красиво. Норманн демонстративно скривил кислую рожицу и, копируя капризного ребенка, спросил Максима:

– Не хочу черный доспех! Мне нравится сиреневый с блестками!

– Сейчас черные доспехи ценятся чуть ли не на вес золота! Это при том, что технология воронения известна лишь в Индии и на Руси.

– Не ври, лично видел черный миланский доспех. – Норманн подмигнул Максиму и постучал пальцем по персидскому щиту.

– Ты видел обычное чернение, металл посыпают золой и подвешивают над углями. Приступай к примерке, господин князь.

– Мне не нравится! Особенно клоунские эполеты!

– Чудак! – засмеялся Максим. – Это всего лишь защита

плечевого шарнира! Чешуйки лягут вторым слоем на предплечье.

– Сам придумал? Очень смахивает на изобретение профессора неведомых наук! – Норманн не удержался от шпильки в адрес главаря припортальной братвы.

Однако тот не принял шутки и резко ответил:

– Если говорить серьезно, то первые погоны появились у Ивана Грозного. Его копейщики надевали точно такие же панцири, а на пластине плечевого шарнира писали номер полка.

– Сам придумал? Почему погоны только на панцирях? По логике должны быть и на кафтанах, – фыркнул Норманн.

– С кафтанами проще, номер полка вышивали на груди, – невозмутимо ответил Максим.

Через месяц состоится поход в Норчепинг, так что надежная броня весьма кстати. Норманн не собирался возвращаться домой на носилках. Единообразие доспехов можно считать дополнительным плюсом. Насколько он помнил, ради пользы дела Дмитрий Донской смог отдать свою сбрую командиру кремлевских наемников Михелю фон Бренку. Но ламинарный доспех легко подстроить под любую фигуру. Здесь же кованые латы, которые в реале появятся через сотню лет, а их изготавливали под конкретного человека. Встав в центре комнаты, Норманн безропотно позволил броннику приступить к подгонке деталей. Первым новшеством оказался легший на плечи высокий воротник – новый панцирь

надевался через голову по принципу бронежилета. Впрессованная на всю грудь медвежья морда служила дополнительной защитой самого уязвимого в бою места. Завершил процесс красивый шлем с шишаком и ниспадающей брамицей из наклепанных на сетку пластинок. Это дело! Он уже успел оценить разницу между русскими и европейскими шлемами. Всевозможные топфхельмы, бацинеты и прочее ведроподобное безобразие не очень-то и защищало голову, а при боковом ударе провоцировало перелом шейных позвонков. Но главной бедой являлась полная глухота воина, что исключало мало-мальски организованное маневрирование.

Если честно, то положи руку на сердце Норманн вынужден был признать как великолепную конструкцию новой индивидуальной защиты, так и высокое качество ее изготовления. Броня не сковывала движения, а это самое главное. Все так называемые спортивные травмы – это не что иное, как разрыв мышечных связок. Неудобное снаряжение в первую очередь могло навредить самому воину. Здесь же была продумана каждая деталь, даже у плеча сделали ложбинку для упора приклада. В комплектацию набедренника входили подсумки для пуль, пороховых зарядов и стандартной аптечки первой помощи. Неплохо, неплохо. Из минусов он назвал бы мрачный цвет вороньего крыла, а из плюсов – налаженное поточное изготовление. Само производство осталось на полукустарном уровне, но первый шаг к конвейеру уже сделали.

– Нравится? – Максим постучал ладонью по панцирю. – Высший класс! Заходи вечером, а сейчас я должен бежать, пора княжичей учить.

Норманн пересчитал развешенные на специальных подставках готовые доспехи и только после этого ответил с ехидцей в голосе:

– Чему же ваше мудрейшество учит тупоголовых наследников?

– Они совсем не тупоголовые, – возразил профессор, – низкий уровень знаний не является синонимом отсутствия умственного развития. Что касается княжичей, то сегодня мы продолжим занятия по математическому расчету артиллерийского выстрела.

– Зачем парням морочить голову? – удивился Норманн. – Зарядил пушку, и бабах!

– У тебя в голове один бабах, – поморщился Максим. – Ты слышал о сражении Петра под Нарвой?

– Там вроде бы было два сражения, первый раз наши позорно бежали, крепость взяли со второго раза.

Максим вытаращился на князя, словно увидел перед собой инопланетного пришельца. Затем сделал несколько шагов по комнате, обернулся и сказал:

– Ты совсем не знаешь историю своего государства! Во время первой осады Нарвы русская армия оказалась в клещах, с одной стороны была крепость с пятью сотнями пушек, с другой – шведский король со всей своей армией. Сражение

началось утром и закончилось поздним вечером. Для сравнения, Полтавская битва продолжалась всего два часа.

– Но армия Петра бежала, бросив все свои пушки! – возразил Норманн.

– Разумеется, – усмехнулся Максим, – ночью русские переправились на другой берег реки. Орудия действительно пришлось оставить, ибо их не смогли затащить в лодки. Так что крепостная артиллерия увеличилась на девяносто две единицы.

– Почему Карл XII не взял пушки себе?

– Шведский король рванул от Нарвы еще быстрее русских. Гонец с вестью о победе догнал его в полутора сотне километров от места сражения.

Норманн недоверчиво посмотрел на профессора, немного подумал и спросил:

– Зачем крепости осадные орудия? Они не могут стрелять картечью, для этого нужны полевые пушки.

– Между прочим, полевую артиллерию создал царь Петр Великий, а в Европе она появилась только при Наполеоне.

– Врешь! – решительно возразил Норманн. – Пушки появятся на полях сражений лет через пятьдесят, а Петр родится в семнадцатом веке.

– Знаток! – хмыкнул профессор. – Пушки на поле боя и полевая артиллерия совсем не одно и то же!

– Разве? – растерялся удивленный князь. – А в чем разница?

– В принципе применения! Во время Грюнвальдской битвы русские и немцы привезли пушки на специальных телегах, затем вкопали их в землю. Петр поставил орудия на колесные лафеты с упорной сошкой, – пояснил Максим.

– Мобильная артиллерия! – догадался Норманн.

– Совершенно верно. Для атаки на Норчепинг пушкари поставили на колесные лафеты три батареи. Сейчас обучаю княжичей управлению огнем, а то в запале своих перебьют. – Профессор со смешинкой в глазах посмотрел на Норманна, однако тот не поверил в возможность «дружеского» обстрела.

– Запугиваешь? Для выстрела из пушки по своим надо быть совершенно слепым!

– Я не зря заговорил о штурме Нарвы, – с той же легкой усмешкой продолжил Максим, – в Нарве сидели артиллеристы-неумехи. Зная об этом, русские полки зашли за пристрелянную линию. В результате атакующие шведские полки получили залп из собственных орудий.

Норманн уже немного знал об особенностях «ядерной» артиллерии. Засунул в ствол порох да закатил ядро – все это пустая хрень, подобная методика применяется в ружьях да маленьких фальконетах. Картуз с пороховым зарядом вставляется в специальное углубление, которое называется «камора». Достаточно трудоемкий процесс, требующий отработанных навыков. Кроме того, дальность выстрела меняется за счет величины заряда, а не угла подъема. Именно в та-

ком виде просуществовала артиллерия до второй половины девятнадцатого века. С появлением казнозарядных орудий расчет мощности заряда не потерял своей актуальности, боекомплект так и остался с картузами разного веса.

Во дворце Норманна дожидались сразу двое, кроме Тикша, которому предстояло изготовить навершие для Рунового кола, в кресле степенно сидел воевода Захар Иванович Дидык. При виде князя оба низко поклонились и застыли в ожидании какого-то ответного действия. А что надо сделать? Люди добрые, подскажите! Подойти и дружески похлопать по спине? Или с монашеским смирением сказать: «Привет, братья во Христе»? Антонио предусмотрительно сделал два входа в рабочий кабинет, хозяин мог пройти на свое рабочее место напрямую из жилых покоев. А постельничий посадил перед общей дверью бородастого дядьку в роли секретарши. Воображение Норманна одело степенного дьяка в генерал-адъютантский мундир с эполетами и аксельбантом. Действительно, почему бы не переодеть личного делопроизводителя? С этими мыслями Норманн поздоровался с гостями и провел Тикша за собой.

– Сможешь сделать голову из цветного стекла, а оберег Мары из моржовой кости? – С этими словами он протянул ювелиру изготовленные из воска макеты.

Тикш поочередно осмотрел фигурки, затем осторожно вернул их на место, перекрестился и ответил:

– Отличная работа, я берусь, сделаю достойные копии! И еще, вот, это наш тебе общий подарок. – Ювелир протянул князю желтоватую камею.

В первый момент Норманн просто любовался изумительной работой. На виноградной лозе, прикрывшись крылышками, сидела забавная птичка. Разглядывая детали, первым делом обратил внимание на изящную шляпку, более похожую на цветок. Чем больше он смотрел, тем больше странных линий замечал. Птичка оказалась стройной девушкой, а ее лицо как бы все время куда-то отворачивалось. Шляпка неожиданно превратилась в руново письмо, а веточка вдруг стала написанным по спирали текстом.

– Что это? – глядя на шедевр, пораженно спросил Норманн.

– Рунова жестька Мары, – спокойно пояснил Тикш и тут же добавил: – Она двусторонняя, сделана из среза бивня мамонта.

С мамонтами понятно, они передохли более десяти тысяч лет назад, а бивни в этот период могли оставаться объектом торговли. Но художественное мастерство, с каким была сделана камея, выходило за рамки понимания, это вам не стереоткрытка с подмигивающей девицей. Норманн осмотрел обратную сторону оберега, где оказалось зеркальное изображение, и с сожалением сказал:

– У меня на груди с полдюжины всяких талисманов. Для новых шеи не хватит.

– Ну-ка, покажи! – потребовал Тикш.

Норманн разложил на столе навешанные на него в разное время талисманчики, а ювелир принялся их внимательно осматривать. Из всей коллекции его больше всего заинтересовал амурчик с луком. Покрутив безделицу так и сяк, вынес свой вердикт:

– Пустая вещица, но если дорога как память, я ее тоже заберу.

– Как это заберешь? – растерялся Норманн. – А я с чем останусь?

– Вот, надень пока это. – Тикш протянул нечто среднее между бусами и четками. – Твоего крылатого лучника вправим в янтарь.

– И как все это будет выглядеть? – подразумевая амурчика, спросил Норманн.

– Как у всех нормальных людей. – Ювелир снял с шеи собственную коллекцию оберегов.

Перед Норманном легла не связка оберегов, как он ожидал, а настоящее произведение искусства. В колье сначала шли маленькие бусинки, на которых при желании можно было рассмотреть рунические знаки. Затем колечками соединялись различные Руновы жестьки, которые составляли полноценную композицию. В центре крепилась дополнительная подвеска из самых красивых камней.

– Да! – восхитился Норманн. – У тебя великолепное колье, просто на зависть.

– Спасибо за похвалу, – поклонился Тикш, – только соединенные обереги называют не колье, а ожерелье.

– Вообще-то ожерелье носят женщины – для красоты, – не согласился Норманн.

– Всякие изумруды с рубинами на витом золоте называют окладень. – Ювелир без смущения поправил князя.

Норманн несколько раз любовно провел ладонью по достойной Эрмитажа коллекции «народного творчества», затем спросил:

– Каждая деталь твоего ожерелья является оберегом Мары?

– Ты что? Хозяйка Жизни от человека много не требует! Здесь и родовые обереги, и свадебные, и детские. – Тикш со знанием дела принялся перечислять пантеон русских богов.

– Мне точно так сделаешь? – выслушав монолог, спросил Норманн.

– Не срами меня, – потупился ювелир, – ты князь, и этим все сказано. Сейчас, пока холост, ожерелье получится малым. Ну да женишься скоро, там дети пойдут, мы тебе добавим и хвалу Роду, и Древо жизни Макоши. Не сомневайся, все сделаем по правилам.

Найдя в Норманне заинтересованного слушателя, Тикш принялся обстоятельно рассказывать про виды оберегов и применяемые материалы. Что может быть особенного в изготовлении соединительных колец или звеньев цепи? Услышав неожиданно длинный перечень ограничений, Норманн

в первый момент подумал, что ювелир просто набивает себе цену. Но по мере рассказа скепсис и недоверие полностью исчезли, Тикш очень интересно объяснил, каковы обычаи и правила, связанные с изготовлением по сути первых в цивилизации украшений. И самое важное, выяснилось, что в стародавние времена обереги носили только женщины.

После ухода ювелира Норманн еще долго бесцельно смотрел в окно. Нет, он не пытался разобраться в древнерусском языческом пантеоне. Пояснения Тикша были интересными и даже забавными, но все это казалось ненужной мишурой. К чему современному человеку сакральная символика и защитные тайные знаки? Как поможет особый узор на тарелке или на входной двери? В эти времена даже вышивка на скатерти, полотенце или рубашке делалась по особым канонам и посвящалась тому или иному славянскому божеству. Эх, темнота-темнота... Норманн позвонил в колокольчик и велел звать Дидыка.

– Извини, что потревожил, – с порога заговорил воевода, – да с ответом нельзя затягивать.

– Гедимины жёлаеш подловить? – усмехнулся Великий князь.

– А как же! – воскликнул Дидык. – Без этого никак, иначе нас никто не будет уважать!

Святая простота, послав убийц, Гедимин первым делом озаботился собственной безопасностью и давно приготовил-

ся к ответному удару. В то же время Дидык был абсолютно прав, покушение нельзя оставлять безнаказанным.

– До злодея нам самим не дотянуться, надо найти обиженных людей и посулить за его голову золото, – предложил Норманн.

– Этим вепсы с карелами занимаются, – ответил воевода, – а я предлагаю отправить дюжину тайных отрядов.

– Ничего у нас не получится, литовский князь по лесам не шастает, а среди людей стража сразу приметит чужака.

– Не то говоришь, – поморщился Дидык, – сейчас Гедимин вместе с поляками сцепился с Тевтонским орденом. Ты письмо гроссмейстеру напиши, мои люди на месте сами разберутся.

Воевода был прав, сейчас войны шли без каких-либо линий фронта, небольшие группы без труда могли пройти по тылам. Правда, не факт, что им удастся приблизиться к литовскому князю, о появлении «карельских охотников» быстро пробежит слухок. В то же время готовность «диверсионных отрядов» подтолкнула Норманна к другой идее.

– Вот что, надо разделить твою группу. Пошли ловких ребят на Ольгерда, поймай его и привези сюда.

– Зачем тебе младший из Гедиминовых сыновей? Если вязать, то старшего, – предложил воевода.

– Старшие при больших дружинах, а Ольгерда можно посулами настроить против отца, – пояснил Норманн.

– На отца не пойдет, побоится, – уверенно возразил Ди-

дык, – а братьев прищучить будет рад. Он последний в роду, потому и живет без малейшей надежды получить хоть малую толику наследства.

– Ну да, – согласился князь, – кто его вспомнит.

– Не в этом дело, мать из захудалого шляхетского рода. По лествичному праву после Гедимины идет его брат, затем сыновья Витеня, – пояснил воевода.

– В таком случае смерть литовского князя приведет к жестокой междоусобной войне.

– Это ты, Андрей Федорович, правильно заметил, – подтвердил догадку Дидык, – литовский князь уже сейчас заслал племянников с младшим братом в самые хилые уделы.

– Витебское княжество вроде бы раньше было уделом Полоцка? – уточнил Андрей.

– После смерти тестя Ольгерд внаглую забрал удел, а родственников жены выгнал за ворота, – ответил воевода.

– Лучшей кандидатуры нам не найти, человек без принципов и совести, он обязательно к нам переметнется.

– Весь в папу, – ощерился Дидык, – я ему дам полк новиков, что с мурмана к тебе пришли.

– Он с ними не справится, – с сомнением сказал Норманн.

– И не надо! – засмеялся воевода. – Мурманы только тебя признают! Ольгерд потешит свою гордыню, а мы позлим Гедимины.

То, что Дидыку понравилась идея вывезти младшего Гедиминовича в Медвежий замок, изначально гарантировало

успех предстоящей операции. Еще не настало время безропотного послушания, а выполнение задания по принуждению всегда чревато провалом. Проводив воеводу до дверей, Норманн сам засел за письмо гроссмейстеру Тевтонского ордена. Дело здесь было не в личном уважении или желании сохранить тайну, ему нравился сам процесс написания причудливых букв готического шрифта. Что касается содержания, то оно полностью соответствовало просьбе Дидыка оказать содействие в организации засады на литовского князя. От себя Норманн добавил: «Понеже случай учинится, паки князь Литвинов падет от руки твоего человека, мы зело благодарны будем. Дабы о деньгах не скучал и твой рыцарь нужду не терпел, золото забери у моего посланца, что с письмом пришел». Получит тевтонский киллер деньги или нет, Норманна интересовало меньше всего. Зато гроссмейстер сделает все возможное, чтобы полученный мешочек золотых монет навсегда остался в его собственном кармане.

К своему здоровью князь всегда относился с трепетным вниманием. А положение выздоравливающего как бы подразумевало лечебную гимнастику и мажорные прогулки. Заходить в кузницы или прочие производственные помещения он опасался: надышишься всякой дрянью, и дырка в легком может воспалиться. Желание как-то занять уйму появившегося свободного времени подтолкнуло к мысли встать за мольберт и написать картины, благо эскизов набралось более чем

достаточно. Начал с парадных портретов своего отца Федора Даниловича Вянгинского и мачехи Прасковьи Кирилловны. Работа не требовала никаких талантов, достаточно было передать портретное сходство и яркими красками расписать одежду и украшения. Восстановив навыки, взялся за незаконченный портрет игумена Валаама. Здесь пришлось помучиться: очень тяжело передать образ человека, всю жизнь служившего в далеких северных краях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.